

РЕЖИМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ КУЛЬТУРОЙ И ПОЛИТИКОЙ /
REGIMES OF REPROCESSING OF HISTORICAL MEMORY
IN CONTEMPORARY RUSSIA

ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ / MEMORY SPACES

Серия «Политология. Религиоведение»

2013. № 2 (11), ч. 2. С. 15–28

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 930.23

**Воспоминания французского капеллана
о Сибири (1918–1919 гг.)**

Данилова О. С.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

Анализируются путевые записки французского капеллана Альбера Грасье, написанные во время пребывания его в Сибири. События, происходящие в Сибири во время Гражданской войны, рассматриваются с точки зрения религиозной, духовной и социальной жизни русского народа. Подробно комментируется конкретный случай встречи двух культур: французской католической духовности и сложной идейной российской мозаики, связанной с русской революцией и Гражданской войной.

Ключевые слова: память, Грасье, Сибирь, Гражданская война, культура.

Сибирь в представлениях французов – членов военной миссии в годы Первой мировой и Гражданской войны на востоке России – сюжет уже не новый для отечественной исторической науки, но все-таки еще не столь исследованный. Участие французских союзников в военно-политических реалиях неоднократно являлось предметом изучения исследователей из Франции¹, но при этом данную историографию нельзя назвать обширной, многие труды даже не опубликованы, а потому в России недоступны [4; 12; 17; 19].

В иностранной мемуаристике о России того периода воспоминания французских союзников – непосредственных участников событий на Урале и в Сибири в 1918–1920 гг. довольно многочисленны. Это и выдержки из «Русского дневника» лейтенанта Пьера Паскаля, получившие название «В Сибирь и обратно», и воспоминания военного представителя при чехах, члена Высшего совета снабжения союзных армий майора Альфонса Гине, и очерки командующего военной миссии в Сибири, бывшего депутата Жозефа Лази, и др., а также свидетельства франкофонов: голландского военного корреспон-

¹ В честь Года Франции в России и России во Франции фото- и видеотека архива Министерства обороны подготовила несколько документальных проектов, два из которых (фильм, фото-выставка) были посвящены французам в Сибири [15; 16].

дента Лодевейка Грондейса и швейцарского антрополога, медика Красного Креста Жоржа Монтандона [12; 17; 20; 21; 25; 30–32]. Все эти свидетельства интересны по-своему, так как представляют различные взгляды участников Миссии на происходящие события. Русофил Паскаль, например, вступивший впоследствии во французскую коммунистическую группу в Москве, выступает в качестве благожелательного и сочувствующего большевикам наблюдателя. Совершенно противоположную позицию отражают воспоминания истинных военных – членов Миссии, чьи тексты изобилуют подробностями военной обстановки, состояния армии и фронта и попытками представить участие союзников в войне в нужном авторам свете.

С этой точки зрения отдельно стоит выделить мемуары представителя Высшего межсоюзного командования и главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерала Мориса Жанена «Моя миссия в Сибири» и воспоминания, как изданные, так и неопубликованные, его друга и советника в военной миссии, ученого-слависта офицера Жюля Легра [23; 27; 28]. Притом воспоминания Жанена в силу его должностного положения были опубликованы неоднократно на разных языках. Основному изданию 1933 г. предшествовали несколько публикаций на разных языках. Отрывки из сибирского дневника Жанена впервые были опубликованы в редактируемом Легра журнале «Славянский мир» [26; 27], созданном в 1917 г. славистом Э. Дени и дипломатом, публицистом Р. Де Кэ с пропагандистскими целями при подаче Министерства иностранных дел Франции [13]. К этому же периоду относится пражское издание мемуаров главнокомандующего чехословацкими войсками в России, но уже с близким чешскому читателю заголовком «Мое участие в чехословацких боях за свободу» [14]. Также переводы отрывков выходили в новосибирском журнале «Сибирские огни» (1927, № 4) и в ленинградском издании «Колчаковщина: из белых мемуаров» (1930). Однако не только в силу дружественной связи авторов эти две книги историкам стоит рассматривать в совокупности. Сохранившаяся в архиве Легра переписка 1921–1930 гг. говорит о том, что он являлся редактором и в какой-то степени рецензентом рукописи генерала, так как по многим вопросам он корректировал текст не только как филолог и литературный стилист, а как очевидец сибирских перипетий союзников. Легра, сначала опубликовавший выдержки в своем журнале, готовил к печати оба издания: и чешское, и парижское (в первом по просьбе самого Жанена были вымараны ненужные детали в пользу полезных чехам пассажей; «Этот неблагодарный за некоторыми исключениями народ должен знать, что я сделал для него» [11]).

Из писем становится понятно, что Легра не просто правил орфографические ошибки и посоветовал сократить объем книги (хотя Жанен и сам признавал, что из 700 страниц по меньшей мере 350 смело можно отложить в сторону, а какие-то отрывки рукописи он и в принципе не планировал публиковать, например об отношениях Колчака с Тимиревой), заменить для солидности глагольные формы рукописи на переходные глаголы действия типа «требовать», «принимать» (не пристало генералу-спасителю писать лишь о намерениях действий), но и сгладил многие неличеприятные высказывания

Жанена в отношении русских, чешских и английских военных и политических деятелей, откорректировал, хоть и на словах, степень влиятельности Жанена в военных кругах Сибири и доказательства виновности союзников-англичан и т. д., уже не говоря о том, что чехам, политические отношения с которыми для Французской республики всегда оставались значимыми, была показана патриотическая картина борьбы за свободу. «Ваша книга [кажется ужасной – зачеркнуто] мрачная, – писал Легра Жанену, – было бы ужасно, если бы такая рукопись стала книгой. Это всего лишь совокупность заметок, зачастую одинаковых и неинтересных читателю. На мой взгляд, вам нужно сделать жесткий выбор. Все слишком личное должно быть вычеркнуто». Далее «по своему опыту литератора» Легра дает советы Жанену по редакции текста. Например: «Вы прибыли в Омск, старайтесь дать понять, что вы хотели сделать, прежде чем показывать, что вы не смогли сделать. Привлеку ваше внимание к отрывку, где Колчак без предупреждения о том вас приказывает перейти в наступление, в дневнике это воспринимается как данность, и вы производите впечатление слабого человека. Лучше было бы опустить слова “без предупреждения”» [10].

Вышеназванные опубликованные мемуарные источники французских военных постепенно вводятся в отечественный научный оборот, поэтому большой интерес представляют неизвестные даже во Франции дневники, которые в силу недоступности остаются по-прежнему неоцененными. К такому относится травелог Альбера Грасье «Военные миссии в Россию 1917 и 1918–1919». Свидетельства о пребывании в Сибири члена Французской военной миссии, капеллана в составе 2-го эшелона чехословацкой армии [8] находятся в разрозненных архивах: дневники хранятся в парижском Центре исследований ISTINA, в архиве, относящемся к департаменту Марна, в фондах Епархии Шалон-ан-Шампань [7].

Путевые записки Грасье представляют интерес как документ, отражающий частный случай встречи двух культур: французской католической духовности и сложной идейной волны русской революции и войны. Объехавший почти всю Сибирь за несколько зимних месяцев 1918–1919 гг., Грасье как «подлинный славянофил, преувеличенно любящий Россию» [5] рассматривает текущие события с точки зрения религиозной, духовной и социальной жизни русского народа. Он, как и его друг и единомышленник Паскаль, симпатизирует истинно христианской стране.

Этот дневник не просто документальный рассказ о поездке в Сибирь, но и повествование, подкрепленное историческими свидетельствами, не чуждое компаративного анализа и рефлексии автора². Предполагалось, что в книге будет четыре приложения: «Чехословаки в Сибири», «Воспоминания и реликвии императорской семьи», «Большевизм и религия», «Проблема России в 1920 г.». В отличие от упомянутых политизированных мемуаров, детально описывающих военные события, дневник Грасье, в котором он стремится по-

² Оригинальные документы (обрывки заметок на различного рода бумажках или разорванные тетрадки, которые как раз больше соответствуют стилистике травелога), сохранившиеся не полностью в Центре ISTINA, и подготовленный к печати текст достаточно отличаются между собой.

ведать читателю о неизведанной земле, скорее является зеркалом уралосибирской жизни разных слоев населения в период войны. Даже отчеты, которые по долгу службы он предоставлял своему начальству, носят характер психологических зарисовок, нежели фронтовых сводок.

В конце ноября 1918 г. в составе французской военной миссии в Сибири Грасье оказался не случайно. Весной 1917 г. как пропагандист от французского МИДа он уже побывал в Петербурге, Украине и Москве (и эта поездка была далеко не первой: с 1907 по 1910 г. он как католический публицист и ученик лазариста аббата Ф. Порталья систематически бывал в России и на Украине, работая на благо объединения церквей [1; 2]). Эту миссию наряду с основанием журнала «Славянский мир» можно смело отнести к первым результатам работы триумvirата: Конгрегации миссий (предполагалось, что лазаристы уравновесят влияние иезуитов и смогут принести в Россию французский дух католицизма), парижской Школы восточных языков и французского МИДа с его отделом пропаганды за рубежом.

Эта первая миссия Грасье оказалась не столь результативной: высшее антиклерикально настроенное французское начальство в Москве посчитало, что аббат работает на дело унионизма, поэтому его присутствие в охваченной революционными волнениями России нежелательно. Кроме того, экуменические чаяния порталенцев не совпали с генеральной линией Ватикана. Знаток русской религиозной жизни, славянофил Грасье, отправленный в Россию с целью «сближения католической и православной церквей», оказалось, не разделял римской доктрины «экспансии на Восток». По его убеждению, католическая церковь должна братски помочь русской православной церкви, ослабленной большевистской революцией, а никак не пытаться поглотить или завоевать ее.

Вернувшись осенью 1917 г. во Францию, Грасье в отчете в МИД поделился своими наблюдениями и впечатлениями. Его суждения базировались на трех китах: «1) в России необходимо проводить мощную пропаганду на словах и в прессе, не экономя на этом ни людей, ни средств. Германия, которая такую пропаганду сделала, получила результаты, превосходящие все ожидания; 2) Прежде всего речь о том, чтобы пробудить русскую душу, да ей услышать те мотивы, к которым она особенно чувствительна. Это должны быть ни слава, ни завоевание, ни господство, даже в пользу России, а чувство справедливости и искупления. Пока русский народ не убедить, что капиталистические и империалистические мотивы не играют серьезной роли в войне, он не ступит ни шагу, потому что не увидит причины сражаться и убивать; 3) Решительная союзническая интервенция, совершенная правильно и в нужный момент, может быть, не останется безрезультатной. Русский человек, имеющий скорее слабую волю, нуждается в том, чтобы его подтолкнули и поддержали извне. Неспособный сам по себе прийти к порядку и организации, он должен прибегнуть к помощи другого... К сожалению, именно энергия и организационный дух немецкого народа особенно поразили русских в эту войну. Именно им они восхищаются в большей или меньшей степени. В этом кроется большая опасность для настоящего и будущего. Мы должны любой ценой вывести Россию из-под немецкого влияния, и при необходимо-

сти спасти ее без ее участия и вопреки... Германия глубоко изучила Россию, прекрасно понимает ее психологию; знает, какую роль могут играть деньги и как и какую ноту русской души нужно затронуть, чтобы воодушевить или вызвать упадок сил. По сравнению с этим мощным действием, наше маломальское знание русских реалий нам мешает реагировать как того стоило бы. Мы потратили всего лишь несколько тысяч франков, в то время как Германия расходует миллионы. У нас недостаточно людей, которые бы хорошо знали русский характер, чтобы там достичь эха французской души. Лучшие методы – это широкое и наиболее глубокое действие – приведут к другим результатам. Не слишком ли поздно? Никогда не поздно поступить правильно» [6].

Этими же размышлениями Грасье поделился с премьер-министром Жоржем Клемансо, который намеревался отправить в советскую Россию миссию, среди членов которой были бы те, кто понимал бы русских больше французских военных и дипломатов. Однако к середине осени в МИДе уже полагали, что «ни финансовая помощь, ни помощь моральная не смогут помочь возрождению России» [13], поэтому в итоге Грасье, будучи прикомандированным в Сибирь под командование Жанена (параллельно в ноябре 1918 г. его назначают начальником французской военной миссии при правительстве адмирала Колчака, главнокомандующим чехословацкими войсками в России), направился из Парижа через Америку во Владивосток. Через всю Сибирь Грасье в спецвагоне («ни грязный, ни чистый... ночью клопы давали о себе знать») он должен ехать в Омск, где располагается военная миссия. «Вечером на одной из станций сотня солдат исполняла Отче наш... Этот парад солдат в лохмотьях не был пышным, однако их песнопения и молитвы в ночи оставляют трогательное впечатление: русская душа еще не полностью умерла, в ледяной ночи еще доносится ее жалобный крик и молитва... Мы продвигаемся в глубь и ощущаем себя в России: все то же чувство меланхолической бесконечности» [18, р. 68]. В Маньчжурии Грасье не преминул отметить сложности с продовольствием: «Спекуляция стала социальным институтом; ею занимаются все, даже европейцы, и как мне сказали американцы, если у них нет в Сибири солдат, т. е. активные агенты “бизнеса” и спекуляции, особенно среди членов YMCA» [18, р. 73]. Когда француз тщетно искал почтовые марки на вокзале, местные ему ответили: «Большевики прошли здесь и все опустошили, забрали даже посуду». В пути среди сибирских пейзажей Грасье с грустью размышляет: «В каждой избе, как и в каждой теплушке – Россия, которая мечтает, которая дремлет медленно и бесконечно, которая никогда не сможет начать действовать... Засаленные тулупы, одежда грязная и разорванная, все дышит нищетой, и все-таки у этих местных милый вид... Бедная Россия!» [18, р. 74].

По прибытии в кристально зимний «сказочный город» Иркутск, где Грасье встретился с Легра, временно исполняющим функции консула Франции, он вновь запишет: «Магазины пусты. Невозможно сделать запасы. Начинается королевство “спекулянтов”. В Нижнеудинске, как и в Иркутске, «невозможно ничего найти: напрасно мы искали газеты, кроме нескольких открыток всех стран и направлений нет ничего»; в Ачинске французу рассказывают,

что «революционный энтузиазм заметно уменьшился, здешний народ потерял интерес к политике» [18, р. 79–80].

2 января 1919 г. миссия прибывает в «переполненный народом» Омск, где он не только встречается с непосредственным начальством и приемным сыном Горького Зиновием Пешковым, но и общается с архиепископом Сильвестром («мы поговорили о жертвах большевиков среди духовенства: 20 епископов и бесчисленное количество священников»). В разговорах члены миссии обсуждают менталитет русско-сибирской буржуазии, «эту неспособность организовываться и даже совсем просто желание серьезно сражаться против большевизма» (извечный вопрос в этой среде: «Скажите нам, почему союзники не делают все, чтобы нас спасти?») и моральный распад русского общества («беспорядок в семейной жизни, нет почти ни одной семьи, которая бы не столкнулась с несколькими разводами и вторыми браками: нередко два супруга оказываются разведенными») [18, р. 84–85]. Однако город, по словам Грасье, не представляет ни большого интереса, ни возможности действий, поэтому он отправляется в Челябинск, где «положение на фронте менее серьезное», и в «прекрасный, большой, императорский» Екатеринбург [11].

Капеллан Грасье, естественно, в каждом городе посещал церкви, католические приходы или монастыри, описывая запомнившиеся моменты (например, про челябинский женский монастырь он отметил: «атмосфера приятная – везде чисто и светло, немного бездеятельно»), но на Урале его особое внимание привлекла иконопись старообрядцев. В Перми, куда он направился после, он не без удивления заметил: «Вечера, особенно театральные, – одно из крупных развлечений русской провинции. Повсюду встречаешь любительские труппы, везде организуют представления и пляски, даже в городах, только что освобожденных от гнета большевиков» [18, р. 92].

Грасье старается задокументировать по возможности частности жизни при большевистском режиме. «В области образования вознамерились ввести родителей в экономический совет, в программы включили всевозможные вещи: философия, социология и т. д. Тем временем комиссар народного образования латыш, который и слова не знает по-русски. В экономической сфере начали с массового разгрома магазинов, что неизбежно убило торговлю. Затем реквизировали все продукты, чтобы их распродать в спецмагазинах по карточкам, предпочтения отдавалось при покупках, само собой разумеется, большевикам» [18, р. 92–93]. Констатируя злодеяния новой власти в Перми, он писал: «Сложно точно установить количество жертв. Кое-кто насчитывал от 17 до 20 тыс. Во всяком случае, это факт, что сотни и возможно тысячи людей были преданы смерти, как в самом городе, так и в Пермской губернии; и это без следствия или с минимальным разбирательством. Называли деревню, где вся местная интеллигенция – 11 человек – были убиты с изощренной жестокостью. Обстоятельства еще больше ужесточали предсмертную агонию жертв. Их еще живыми сбрасывали в проруби Камы. Офицерам вколачивали в плечи гвозди вместо звездочек, означающих их воинский чин. Осужденных заставляли рыть самим себе ямы, и находились такие палачи, которые еще считали забавным это действие зафотографировать. Случаев правосудия и бы-

ло настолько мало, что одних граждан даже поспешно убивали вместо других» [18, р. 94–95].

До середины июля месяца капеллан Грасье в составе миссии будет ездить по разным уральским и сибирским городам, не только стараясь оказать духовную поддержку военнослужащим, но и пополняя свои знания и наблюдения о русском народе и его религиозном чувстве или даже религиозном возрождении на фоне протеста большевикам. Путешествие по Уралу не только открыло французам богатство природных пейзажей региона, но и ресурсы, которыми располагала страна. Он цитирует слова одного инженера-поляка из Екатеринбурга: «Тут есть все, драгоценные камни, металлы всех видов, золото, серебро, медь и т. д. Запасы железной руды в Магнитогорске лучшие и самые большие в мире. Есть также топливо, чтобы добывать эти богатства, каменный уголь и необъятные леса. До этого времени разработка богатств была примитивной. Деревья спиливают так высоко от земли, что невероятное количество леса каждый год пропадает. Нам нужны хорошие учителя и капиталы. Пришлите нам тех и других».

Не мог француз, придающий такое внимание традиционному противостоянию двух европейских держав, обойти вниманием и тему немецкого влияния в Сибири. «К сожалению, – заключает Грасье, – одни немцы, кажется, ясно понимали правдивость этих рассуждений. Как повсюду в России, Германия до войны в Сибири имела многочисленных агентов. Затем их дело было продолжено заключенными. Гайда после успеха на Байкале нашел среди документальных трофеев свидетельства немецких интриг. Германия рассчитывала на этих многочисленных в Сибири узников, которые к тому же там составляли добрую часть большевистских войск, чтобы воспользоваться этой большой сибирской магистралью; планы сделок были тщательно разработаны, и даже поименно называлось то, что должны были в этих регионах заказывать. Победа чехов разрушила эти планы» [18, р. 106].

Как отмечал Грасье, в интригах и шпионаже немцы не пренебрегали никакими средствами. Миссия шведского Красного Креста давала приют немецким офицерам, которые намеревались служить интересам Швеции. То же самое делала и датская миссия. «Молодой немецкий заключенный, якобы датчанин, был арестован в Иркутске чешским лейтенантом, затем осужден военным советом на три месяца тюрьмы за свой побег, попав в заключение. Спустя некоторое время чешский офицер его обнаружил во Владивостоке в первом классе ресторана. Другой был интендантом итальянских войск и состоял в отношениях с японцами, у него были бумаги, свидетельствующие, что он находится под протекцией японского консульства, и его оставили на свободе. Впрочем, в Японии были в высшей степени внимательны к немецким офицерам. Даже американцы им платили, во Владивостоке один доллар в день, что составляло почти сто рублей, месячное жалование чешского солдата». По свидетельству Грасье, во всех слоях общества, особенно среди буржуазии, привыкшей к экономическим и индустриальным отношениям с Германией, царит восхищение немецкой силой. Кажется, Германия, единственная, кто может помочь России организовать себя. Русский народ слишком беспечный, склонный все забывать, прощать и даже брататься, доходя до того,

что жалеет “бедную Германию”. В этих условиях немцы действуют всевозможными способами, или напрямую, или через нейтральных посредников, которыми часто выступают консулы. Во всех городах северо-востока Урала датские консулы скупили все сырье. Так, например, Германия извлекала выгоду из настоящего и готовила будущее» [18, р. 106–107].

Довелось Грасье побеседовать и с самим Колчаком, который любезно согласился предоставить французу аудиенцию, правда, как вспоминает Грасье, «спустя несколько минут банальной беседы я вышел от него, ничего не узнав и не испытав никакого впечатления». В дневнике он детально описал сибирского правителя: «Это был человек среднего роста, скорее худощавый, с достаточно угловатыми чертами. Одетый в костюм цвета хаки, с плоской фуражкой в тон, в его внешности никоим образом не чувствовалась харизма. Его фамилия и выражение лица напоминали нечто тюрко-татарское, что часто можно обнаружить в русском человеке, особенно из дворянства. За неимением силы обаяния ему также не доставало ореола доверия, силы и нужной надежды, чтобы повлечь за собой людей и изменять ход событий, судьбу: он казался приплюснутым своими слишком тяжелыми плечами» [18, р. 109].

Весну 1919 г. Грасье обозначил как период надежд и разочарований. Будучи в Челябинске, он пишет: «Повсюду чувствовалось стремление к порядку, тенденция к восстановлению социальной и политической жизни; армия, казалось, находится в процессе возрождения» и в то же время, описывая правление Колчака, «которому не хватило силы пойти до конца», замечает: «Народ, раздраженный несправедливостью и тайком подстрекаемый усиленной пропагандой, все больше и больше отдаляется от сибирского правительства; повсюду формируются революционные банды, готовые примкнуть к большевикам, моральный дух армии на глазах снижается» [18, р. 109, 119].

Естественно, что особо католический богослов отмечал специфику церковной жизни на Урале в годы Гражданской войны: «Православная церковь подверглась суровому и кровавому преследованию». Он подробно описывает репрессии православного духовенства и мирян, террор, доведенный в церковной области, как ни в какой другой, до столь утонченной жестокости (пермского архиепископа Андроника закопали в землю живым, сменившего его Феофана вскоре изрубили саблей, сбросив в прорубь вместе с евангелием), и сопротивление верующих атеистической власти, заключая, что активная антицерковная политика большевиков, несомненно, способствовала эскалации гражданской войны. Все эти и другие детали Грасье изложил в своем отчете о миссии Жанену [9].

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ Екатеринбург 15 февраля 1919
Аббат ГРАСЬЕ Г-ну Генералу ЖАНЕНУ,
Главе Французской военной миссии
ОМСК

Имею честь вам отчитаться о возложенной на меня миссии.

1. Преступления против личности и имущества граждан

Никто не гарантирует защиту ни имущества, ни свободы, ни жизни граждан. Победа большевиков началась с военного восстания,

сопровождающегося повсеместным грабежом: все магазины города были разграблены, и никаких мер не были приняты, чтобы возместить убытки.

С этого момента власть находится в руках НАРОДНЫХ Комиссаров: они появляются во всех областях, что мы можем в точности сказать, какими обязанностями они наделены, от кого получили власть и кому подотчетны. Они требуют и исполняют обязанности. Почти абсолютная автономия органов местной власти. Они управляют, принимают законы, конфискуют, заключают в тюрьму, убивают без суда и следствия, никому не докладывая. Среди них есть молодые люди лет 18, рецидивисты, иностранцы, которые едва ли знают по-русски хоть слово.

Каждую ночь город [Пермь] находится в осадном положении. Комиссары с их солдатами проникают в дома подозреваемых, обыскивают и берут то, что им нравится, а обвиняемых доставляют в «Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Некоторых из них освобождают, других отправляют в тюрьму, третьих казнят немедленно во дворе дома Пермякова, дверь и стены комнаты, где первоначально заседала ЧК, изрешечены пулями. Девушка из этого дома и служанка, которых выдворили на жительство в соседнюю квартиру, рассказали нам, что почти каждую ночь, особенно в июне и июле месяце, они слышали выстрелы, которые так же бывали и во второй половине дня, но реже. Аналогичные расправы происходили в Духовной семинарии и возле Военного комиссариата, где помещался военный трибунал. Большевики в своем поспешном отступлении оставили в саду семинарии несколько не захороненных трупов, некоторые черепа были расколоты пущенными в упор пулями.

[...] В сельской местности многие священники расстреляны или изрублены саблями на куски. Сегодня, в феврале 1919 официально установлена смерть 3 епископов, 2 архимандритов, 8 монахов, в том числе 2 священников, 8 протоиереев, 23 приходских священников, 6 диаконов, 3 псаломщиков. Другие без вести пропали в занимаемых большевиками уездах. Вполне вероятно, что в общем количество жертв составит не меньше ста человек. Другие члены духовенства жестоко страдают, будь то в тюрьмах или вместе с приговоренными к каторжным работам. К слову, стоит отметить, что эти выдержанные с достоинством страдания значительно повышают престиж духовенства в глазах народа. Поведение епископа АНДРОНИКА [Владимир Никольский] завоевало ему всеобщую симпатию и восхищение.

Следует также отметить, что большевизм, боясь народа, не осмеливался напрямую бороться с религией, уничтожая богослужение. Волнение в ПЕРМИ было большим, когда стало известно, что арестованный архиепископ запретил священно- и церковнослужителям города и Мотовилихи совершение богослужений. Комиссары из всех сил хотели принудить духовенство выполнять сакральные функции; на собраниях и в газетах они возражали против «забастовки попов». Как они превратили некоторые часовни гимназий в комнаты для заседаний и увеселений, так и оставили приходские церкви, в которых обеды служили до конца.

IV. Трудовые общества

Одной из мер, придуманных, чтобы укротить буржуазию, была организация трудовых обществ. Туда зачисляли людей из интеллигенции:

адвокатов, преподавателей, офицеров, юристов, священников. Их занимали не только работами по ремонту и чистке города, но также трудом на заводах и в шахтах; заставляли рыть траншеи. Принуждали к работе слишком тяжелой и для них непосильной; считалось забавным возложить на них самые мерзкие и отвратительные дела, которые бы наиболее противоречили их образованию, положению и характеру. Их едва-едва кормили, выдавая ежедневно по 100 грамм несъедобного хлеба и половину селедки. Подобный режим их угнетал, изматывал, приводя жертву к болезням и смерти.

V. Всеобщий голод

Голод сказывается повсюду. После разграбления магазинов, большевики национализировали, т. е. конфисковали, то немногое, что осталось. Купить что-то можно только с формального разрешения. Товары все больше и больше становятся редкостью, из Москвы пришло только несколько вагонов.

Все тяжелее и тяжелее обеспечивать запасы продовольствия. Рацион в последнее время был 100 грамм хлеба в день, и хлеб этот был ни чем иным, как ужасной черной тестовой массой, покрытой колочками овсяной соломы.

Мы долго пешком шли в деревню, чтобы задорого купить несколько фунтов муки. Необходимо невероятно хитрить, чтобы вернуться в город, усыпив бдительность красноармейцев. Без толку мы пытались вызвать к их жалости, напрасно бедная мать их умоляла оставить ей необходимые продукты, чтобы не позволить детям умереть от голода. Все было конфисковано, и несчастная отчаявшаяся кинулась под поезд, чтобы покончить с жизнью.

Между тем народные комиссары и их друзья всегда обслуживаются в первую очередь, пируют, ведут беззаботную, полную удовольствий жизнь, прогуливают своих подруг на автомобилях. Есть и те, кто пробиваются в буржуазную семью, прося руки молодой девушки: барышня соглашается за них выйти, чтобы иметь чай, сахар и белый хлеб.

VI. В деревне

В деревне происходит тот же самый процесс уравнивания, что и в городе. «Комитеты бедноты», выбранные среди самых нуждающихся, получают приказ отобрать у «кулаков», т. е. зажиточных крестьян, хлеб и муку, которых они имеют сверх нужного. Они им оставляют только пуд муки на человека в месяц, остальное должно быть распределено бедным и солдатам Красной Армии.

Весной вновь распределяли землю; дают всем, даже железнодорожникам и людям, которые ничего не ведают в ее обработке. В то же время им дали и зерна для посева. Зерно они продают или мелют, а земля так и остается нетронутой. Также голод дает о себе знать вновь с приближением зимы. Комитеты бедноты получили новый указ: «отобрать у кулаков их скот, оставив только одну корову на пять человек». Но последовало разочарование. Большевики реквизируют все для своих войск, и скот направился в город.

Красная Армия, впрочем, не церемонится с крестьянами. Она расхищает все, отнимает животных и лошадей, мобилизует мужчин; наименьшее сопротивление она строго наказывает – расстреливает беспощадно. Так крестьяне все больше становятся антибольшевиками. Белых в освобожденных

деревнях приветствуют как спасителей, им несут хлеб, молоко, любые резервы, просят лишь об одном – не отдавать деревню снова большевикам.

VII. Рабочие

Кажется, что у самих рабочих происходит постепенно процесс разочарования. У них были попытки мятежей, отказов от работы из-за нехватки пищи. Большевики им ответили самыми жестокими репрессиями; всех тех, кто отказался работать, они отнесли к контрреволюционерам и саботажникам, безжалостно расстреляв.

VIII. Последствия этих событий для нравственного состояния общества.

Революционная анархия и террористический режим серьезно сказались на моральном состоянии общества. Мечтания, утопии, шаткость идей дисциплины, порядка, серьезной и постоянной работы скверно отозвались в умах уж слишком склонных к прихоти, к нарушению правил и к небрежности, если не лени. Идея управления и подчинения, осознание гражданского долга, заботы об обществе и Отечестве были страшно неотчетливы. Каждый, кажется, живет только ради своего собственного интереса, и старается извлечь выгоду из всеобщего голода, чтобы разбогатеть на спекуляции, выиграв 200, 300, 1000 процентов и больше на нескольких товарах, которые он может перепродать.

Процесс социального и национального восстановления представляется настолько громадным, что люди теряют всякую надежду до того, как что-либо предпринять, и бросаются в удовольствие, развлечение и наслаждение с такой силой, которая в высшей степени не соответствует тяжести ситуации. Иногда говорят, что общественное сознание совершенно забыло о смертельной опасности, угрожающей не только стране, но еще и каждой семье и каждому гражданину.

Это оцепенение, эта нехватка энергии сказывается вплоть до самых лучших. Победенные заранее, они не имеют ни мужества идти навстречу трудностям, ни веры – условия, необходимого для любого действия, они привыкают к отчаянию, ожидая главное спасение извне.

IX. Благоприятные признаки

Тем не менее, можно встретить счастливые предзнаменования лучшего состояния духа. Чувствуется необходимость национального объединения, в то же время развивается более или менее смутно идея, что «невозможно жить так», нужны порядок, организованность, дисциплина, самоотверженность. Сознание долга и бескорыстие.

В молодой армии есть симптомы возрождения.

Офицеры намного ближе к солдатам, молодые студенты охотно идут в армию; маневрирующие на плацу новобранцы производят хорошее впечатление.

Хорошо накормленные, достаточно одетые, они подготавливают основы крепкой армии и высшей силы (это свидетельства тех, кто возвращается с фронта) для мобилизованных подразделений, распределенных Советами.

Х. Что нужно, чтобы спасти Россию

Смогла бы эта сила разбить вооруженные силы большевиков? Да, если она была бы поддержана национальным движением, которое бы использовало все материальные и интеллектуальные ресурсы России.

Но, как говорят русские, этого движения еще не существует или, по крайней мере, оно не является достаточно мощным. Ослабленная, морально подавленная Россия не может оправиться одна, без посторонней помощи.

В действительности кажется, что она вряд ли сможет собственными силами выбраться из пропасти, в которой она барахтается. Нужно помочь ей вооружиться, организовать, защититься. Необходимо, чтобы те, кто борется за восстановление порядка, ощущали поддержку и защиту. Еще больше, чем войска, им нужно оружие, и в особенности – моральная уверенность в том, что цивилизованный мир поддержит их до конца.

Впрочем, они не должны забывать, что возможное действие союзников будет для них тем проще и эффективней, чем они почувствуют себя готовыми к сотрудничеству энергичному, решительному, неожиданному, полностью самоотверженному.

Если Россия сама не может себя спасти, то она не может быть спасена без своего на то желания и участия.

Заключительные слова этого официального отчета лишь в очередной раз доказывают, что Грасье был скорее католический интеллектуал, нежели военный дипломат. Он один из тех редких французов, которые смогли глубоко понять православие, русскую ментальность, и постарался донести свою правду до европейской публики. Пожалуй, он был одним из самых неординарных порталенцев первой трети XX в.: не просто популяризатор идеи сближения католической и православной церковью во множестве периодических изданий Франции, но и академически признанный специалист по истории славянофильского движения и личности А. С. Хомякова, истории Крестовоздвиженского трудового братства и его основателя Н. Н. Неплюева.

1. *Аббат Альбер Грасье*. Мои религиозные впечатления от России // Россия и Франция: XVIII–XX века. – М. : Наука, 2009. – Вып 9. – С. 366–388.

2. *Данилова О. С.* Группа аббата Ф. Портала и Россия (1903–1919) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России (XVIII–XX вв.). – М. : ОЛМА Медиа ГРУПП, 2010. – С. 268–280.

3. *Данилова О. С.* Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале / О. С. Данилова, Т. В. Краева // Наука. Человек. Общество. Вестн. Уральского отд-ния РАН. – 2011. – № 1. – С. 87–102.

4. *Паскаль П.* В Сибирь и обратно: страницы из «Русского дневника» // Белая армия. Белое дело. – 1999. – № 6. – С. 103–111.

5. *Паскаль П.* О причинах революции 1917 года (беседа с Н. А. Струве) // Вестн. Русского христианского движения. – 1980. – № 132. – С. 263.

6. Archives départementales de la Marne. Centre principal de Châlons-en-Champagne. J 3123. Gratieux Albert «En mission (Russie 1917. Sibérie 1919)». – P. 47–48.

7. Archives du Centre d'études ISTINA (Paris). Fonds A. Gratieux. Archives personnelles, deux boîtes en carton; Archives départementales de la Marne. Centre principal de Châlons-en-Champagne. J 3123. Gratieux Albert «En mission (Russie 1917.

Sibérie 1919)». 143 p. Dactylographiées; Archives diocésaines, Evêché de Chalon en Champagne, Fonds Albert Gratioux, 4E, carton C.

8. Archives du Centre d'études ISTINA. Fonds Albert Gratioux. Ordre de service (Paris, 3 octobre 1918); Archives nationales. Série Ecole des langues orientales. Dossier Association France-Russie (1915–1919). 62/AJ/66.

9. Archives du Centre d'études ISTINA. Fonds Albert Gratioux. Tapuscrit français, incomplet. 5 feuilles.

10. Bibliothèque municipale de Dijon, Fonds Legras. Correspondance militaire, Lettre manuscrite de Legras à Janin (incomplete, pas datée).

11. Bibliothèque municipale de Dijon, Fonds Legras. Correspondance militaire. 39 lettres manuscrites du general Janin à Legras (18 octobre 1921–12 mai 1939).

12. *Bourlet M.* Le bataillon sibérien (1918–1920) // Revue. – 2005. – 14–18 Avril–mai (№ 25). – P. 42–45.

13. *Denis E.* Notre programme / E. Denis, R. de Caix // Le Monde Slave. – 1917. – Juillet. – P. 3–17.

14. *Generál M.* Janin Moje účast na československém boji za svobodu / M. Generál. – Praze : J. Otto, 1923.

15. *Goloubinoff V.* La mission de la section photographique et cinématographique de l'armée en Sibérie et en Russie du nord 1918–1919 Paris. 2010 [Electronic resource]. – URL: <http://www.ecpad.fr/wp-content/uploads/2010/06/spca.pdf>.

16. *Goloubinoff V.* Images des Russes et des Français dans la grande Guerre : Album photographique / V. Goloubinoff, D. Sbrava. – Paris, 2010.

17. *Gourmen P.* La mission militaire française en Sibérie / P. Gourmen, J.-B. Durocelle Thèse, Université Panthéon-Sorbonne. – Paris, 1971.

18. *Gratioux A.* En mission (Russie 1917. Sibérie 1919) / A. Gratioux. – P. 68.

19. *Grey M.* Les Armées Blanches / M. Grey, J. Bordier. – Paris, 1978.

20. *Grondijs L.-H.* La guerre en Russie et en Sibérie / L.-H. Grondijs. – Paris, 1922.

21. *Guinet A.* En mission à travers la Russie de Lénine / A. Guinet. – Paris, 1921.

22. *Hallez X.* L'intervention française en Sibérie: 1917–1920 / X. Hallez, G. René // Thèse. – Paris : Université Panthéon-Sorbonne, 1993. – N 3. – P. 121–127.

23. *Janin M.* Ma mission en Sibérie. 1918–1920 / M. Janin. – Paris, 1933.

24. *Ladous R.* Monsieur Portal et les siens (1855–1926) / R. Ladous. – Paris, 1985. – P. 400.

25. *Lasie J.* La tragédie sibérienne. Le drame d'Ekaterinenbourg. La fin de l'Amiral Koltchak / J. Lasie. – Paris, 1920.

26. Le monde slave. – 1924. – № 12; 1925. – № 3, 4.

27. Le monde slave. – 1926. – № 1, 3; 1927. – № 1–4 («В русской Ставке» – вторая часть мемуаров).

28. *Legras J.* L'esprit public en Sibérie pendant la séjour des missions alliées. Séance du comité national d'études sociales et politiques / J. Legras. – Paris, 1920.

29. *Legras J.* Mémoires de Russie / J. Legras. – Paris, 1921 (Bibliothèque municipale de Dijon, Fonds Legras, Journal de J. Legras (1890–1939), Ms 3040–3046, cahiers 70–76).

30. *Montandon G.* Deux ans chez Koltchak et chez les Bolchéviques pour la Croix-rouge de Genève (1919–1921) / G. Montandon. – Paris, 1923.

31. *Montandon G.* Mission en Sibérie, 22 mars 1919–17 juin 1921 // Revue International de la Croix-Rouge (Genève). – 1921. – Décembre. – P. 1197–1232.

32. *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques : invraisemblable et véridique épopée / A. Vergé. – Paris, 1926. – 201 p.

Memories of the French Chaplain about Siberia (1918–1919)

Danilova O. S.

Ural Federal University, Yekaterinburg

The author analyzes the travel notes of the French chaplain Albert Gratie, written during his stay in Siberia. Siberian events during the Civil War are considered from the point of view of religious, spiritual and social life of the Russian people. A particular impact of two cultures is described thoroughly: the French Catholic spirituality and complex ideological Russian mosaic connected with the Russian revolution and the Civil War.

Key words: memory, Gracie, Siberia, Civil War, culture.

Данилова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, ассоциированный исследователь лаборатории «Идентичности, культуры, территории» (Университет Париж VII им. Д. Дидро), член Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории, 620031, г. Екатеринбург, ул. Бориса Ельцина, 10, тел. 8(343)3547614, e-mail: cerhlaf@gmail.com

Danilova Olga Sergeyevna – Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University of the first President of Russia B. N. Yeltsin, associate researcher of laboratory «Identités-Cultures-Territoires» (Paris Diderot University), member of Ural department of the Russian society of intellectual history, 620031, Yekaterinburg, Boris Yeltsin St., 10, phone 8(343)3547614, e-mail: cerhlaf@gmail.com